

АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

ДЕТИ АРБАТА

Книга третья

Прах и пепел

ФТМ

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
Р93

Рыбаков А.

Р93 Дети Арбата / Анатолий Рыбаков. — М. : «RUGRAM_ФТМ», 2021. — (Серия «Мировая классика»).

ISBN 978-5-4467-3560-0

Книга третья : Прах и пепел. — 526 с.

ISBN 978-5-521-74290-5 (Книга третья)

Трилогия А. Рыбакова (1911–1998) «Дети Арбата» (1987) повествует о представителях поколения 1930-х годов, живших на Арбате. Автор показывает, какое влияние на них оказал сталинизм.

Третья книга трилогии продолжает рассказ об арбатских романтиках.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-4467-3560-0

ISBN 978-5-521-74290-5 (Книга третья)

© Рыбаков А. Н., наследники, 2021

© Оформление.

ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

Погиб и кормщик и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную свою
Сушу на солнце под скалою.

А. Пушкин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

— Повезло тебе, дорогуша! Первый раз пошел на почту, и бац — твоя телеграмма! Я сразу на вокзал.

Глеб улыбался, обнажал белые зубы, поглядывал на Сашу.

— С хозяйкой своей я договаривался на одного, приводить второго неудобно. Поищем тебе отдельную квартиру.

В камере хранения чемодан взяли, рюкзак — нет: «Не принимаем без замков». Саша сунул приемщику рубль: «Ладно, начальник, сегодня заберем». Сидор поставили рядом с чемоданом, квитанцию выдали на два места.

— Пройдемся пешком, — предложил Саша, — заодно и город покажешь.

Продовольственный магазин, промтовары, канцтовары, булочная, аптека... Как и в Калининe, как и всюду. Уныло. Старые одно- и двухэтажные деревянные дома. Изредка каменные — на них таблички с названием учреждений на русском языке и русскими же буквами на башкирском. Только это и напоминало, что здесь столица Башкирской автономной республики. А так — провинция, булыжная мостовая,

кое-где деревянные тротуары, а где и вовсе без тротуаров. Пыль.

— Как тебе наша Уфа?

— Тоска российских городов...

Так он ответил Глебу. А про себя подумал: может быть, это его тоска... Опять, в который раз, все начинать сначала.

— Жить можно, — сказал Глеб, — башкиры народ мирный, гостеприимный. Однако обидчивый. Ты с ними, дорогуша, не задирайся.

— Еще чего!

— Сидели мы на днях в компании, один интеллигент ленинградский, молодой, такому же молодому башкиру говорит вроде, мол: «Я с тобой, старик, согласен». Понимаешь, дорогуша? Слово «старик» произнес, как это у ленинградских интеллигентов принято. А башкирин его по морде хрясь! «Какой я тебе старик?!» На слово «старик» обиделся. Хоть бы девки за столом сидели, значит, перед девками унизил. Нет, не было девок, одни мужики.

Глеб показал на павильон с надписью «Кумыс».

— Видишь, кумысом торгуют? Кобылье молоко, башкиры гонят из него араку вроде нашей браги, даже спирт гонят. Пьют будь здоров, на Коран внимания не обращают. «Деньга есть — Уфа гуляем, деньга нет — Чишма сидим».

— Что за Чишма?

— Станция возле Уфы, не заметил?

— Не обратил внимания.

— Выпить любят, а закусить еще больше. У них мясо в основном: конина, баранина. Бешбармак ничего, есть можно.

Они шли по центру города, по улице Егора Сазонова — эсер, террорист, убил царского министра Плеве. Уфимец он, что ли, был? Часто стали попадаться люди в энкавэдэшной форме, в начищенных сапогах, галифе, рыла квадратные, неподвижные.

— Что-то много их здесь, — заметил Саша.

— Видишь? — Глеб показал. — Управление НКВД.

Длинное двухэтажное кирпичное здание, окна зарешечены толстыми металлическими прутьями, четыре подъезда выступают до середины тротуара — глухие коробки, закрытые тяжелыми двустворчатыми дверьми без стекол.

— Глеб, ты знал, что в Калинин вводятся паспортные ограничения?

— Знал.

— Почему не сказал?

— Как это так: не сказал? Я точно помню свои слова: «Сегодня Калинин не режимный город, завтра — станет режимным». Это что?

— Ну, намек...

— Такой намек и ребенок поймет. Тем более я предложил тебе уехать.

— Намек я понял уже в милиции.

— В твоём положении надо быстрее соображать.

— Получилось даже лучше: документы на руках, с работы уволен, с квартиры выписан. Ладно, скажи: начали халтуру?

— Дорогуша! Как ты можешь? «Халтура»! Да ты что? Бригада под руководством самого Семена Григорьевича Зиновьева.

— Он тому Зиновьеву не родственник?

— Даже не однофамилец. Бывший солист Мариинского театра, автор книги «Современные балльные танцы», дам тебе почитать, узнаешь, что о танцах говорили Сократ и Аристотель. Семен — могучая личность, крупный деятель, арендовал Дворец труда в самом центре, договора заключает с заводами и фабриками. Тридцать рублей с носа: фокстрот, румба, танго, вальс-бостон. — Глеб сбавил шаг, бросил взгляд на Сашин костюм, туфли. — Другого костюма у тебя нет?

— Чем этот плох?

— Не модный. И туфли... Туфли, дорогуша, это самое главное! Будешь им показывать, в какую сторону ногами двигать, на что они будут смотреть? На твою прекрасную шевелюру, на твои блядские глазки? Нет, дорогуша, на твои ножки будут смотреть. И если увидят стоптанные или грязные ботинки, то, согласишься, дорогуша, в восторг от твоего танца не придут. Не эс-те-тич-но! Галстук у тебя есть?

— В жизни не носил.

— Придется носить. И ботиночки сегодня же купить. Черные. Черные туфли подходят к любому костюму. Отнесись серьезно — это не какие-то там танцы-шманцы. Это, дорогуша, идеология, учти.

— Даже так?

— Собирается группа в тридцать человек, ты как думаешь: н и к о г о это не интересует? И не одна группа. Вся Уфа, и русские, и башкиры, все хотят танцевать западноевропейские танцы. Значит, кому положено, должен за этим следить. Ладно, пошли, увидишь нашу контору.

Они свернули с улицы Егора Сазонова в переулок. Возле домика с вывеской «Гастрольно-эстрадное бюро» толпились люди.

— Подожди меня здесь. — Глеб скрылся в дверях.

Саша отошел в сторону. В толпе многие, видимо, знали друг друга, окликали по именам, переходили от группы к группе, обнимались, целовались, здоровались, разводили руками: «Сколько лет, сколько зим!» Во всем сквозило нечто экзальтированное, наигранное... Как он будет жить, как будет работать рядом с ними? Чужие люди, чужие нравы. Может быть, плюнуть? Поискать работу в каком-нибудь гараже?

Вышел Глеб, показал бумажку с адресом.

— В самом центре. Гостиница только для народных и заслуженных, а всех прочих по квартирам. Видал ты эту биржу? Фокусники, гипнотизеры,

танцоры, куплетисты... Башкиры с кураями. Знаешь курай?

— Нет.

— Дудочка вроде свирели, музыка заунывная... Толкуются у бюро, сколачивают бригады, главное, чтобы хороший администратор попался — едет вперед, рекламирует где-нибудь в глухомани — живой актер! Важно хоть одно знаменитое имя на афише. Тут, дорогуша, всяких Качаловых, Кторовых, Церетели, Улановых — полно! И не придерешься. Смирнов-Качалов, чувствуешь? Мухлеж идет... — Он покосился на Сашу. — Чего молчишь, дорогуша?

— Думаю. Для меня ли это занятие? Сам говоришь — мухлеж. А я к этому не п р и у ч е н.

— По-честному жить хочешь?

— Именно.

— И будешь жить по-честному, отрабатывать свои часы и получать зарплату. Все по закону, дорогуша. За этим следит наша начальница Мария Константиновна, ты ее еще увидишь, деловая баба, на ходу подметки рвет и интеллигентная притом. И учти, тебе самому придется платить за квартиру.

— Понятно.

Дом на углу вытянулся одной стороной по улице Аксакова, другой — по улице Чернышевского. Крохотная комнатка в небольшой квартире. Но хоть не за занавеской, как было в Калининe. Уже хорошо. Хозяйка озабоченная, рассеянная, никак не могла найти очки, пеняла детям: подевали, наверно, куда-то. Девочка и мальчик лет одиннадцати-двенадцати ушли на поиски в кухню, мальчик кашлял. «Не дохай, — раздраженно покрикивала мать, — очки ищи!»

Наконец очки были найдены.

— А где направление? — спросила хозяйка.

Глеб обаятельно улыбался:

— Мария Константиновна торопилась, дала адрес, а направление выпишет в понедельник. Адрес написала своей рукой, вы же знаете ее почерк.

Хозяйка недоверчиво разглядывала бумажку.

— Вы сомневаетесь? — Саша опустил руку в карман. — Вот мой паспорт.

— Мне ваш паспорт не нужен, я вас прописывать не буду.

Не надо прописываться! Замечательно! Сразу отпали все сомнения — Саша вспомнил свои унижения с пропиской в Калинин. Здесь этого не будет. Гастролер объезжает за год много городов, что же ему в каждом прописываться? Не хватит листов в паспорте. Ладно, будет заниматься танцами, черт с ним!

— Все оформит Мария Константиновна, — пообещал Глеб.

— Только имейте в виду... — Хозяйка вытолкала детей в соседнюю комнату, прикрыла дверь. — Я попрошу вас женщин на ночь не приводить.

— Что вы? Как можно?

— Можно, можно. — Она закивала головой. — Перед вами тут артист Цветков жил. Мало что пьяница, еще женщин приводил. Приличный на вид человек, а такие безобразия выстраивал. У меня ведь дети.

— Я постараюсь вас не беспокоить, — сказал Саша.

2

23 августа 1937 года в Георгиевском зале Кремля был устроен прием в честь летчиков Громова, Юмашева и штурмана Данилина, совершивших беспосадочный перелет через Северный полюс из Москвы в Америку.